

ХИНДУТВА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИНДИИ:

ДАНЬ ИСТОРИЧЕСКОМУ ПРОШЛОМУ ИЛИ СМЕНА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ?

Е.М. САВИЧЕВА

Кандидат исторических наук

В.В. ШИКИН

Аспирант

Российский университет дружбы народов

Ключевые слова: Индия, внешняя политика, национализм, хиндутва, Бхаратия джаната парти, Нарендра Моди

Термин «хиндутва» в отечественных и зарубежных средствах массовой информации, а также академических исследованиях нередко заменяется упрощенным понятием «индусский национализм». Индийские исследователи внешней политики Дели (Баджпаи Канти, Рахул Сагари и др.) выделяют ряд характерных исключительно для Индии подходов к выстраиванию отношений с внешним миром - идеалистический гандистский подход, в основе которого лежит философия ненасилия, спроецированная на внешнюю политику; более прагматичный неруанский подход, воплотившийся в таких принципах внешней политики Индии, как неприсоединение и мирное сосуществование, при поддержании необходимого для этого баланса сил; и националистический¹.

Последний стал особенно актуальным с приходом в 2014 г. к власти в Индии правительства, возглавляемого националистической партией Бхаратия джаната парти (БДП, Индийская народная партия). Премьер-министр Нарендра Моди публично заявил, что в отношениях с зарубежными государствами он намерен руководствоваться принципами хиндутвы².

Это заявление высокопоставленного лица могло означать, что правительство националистов пересмотрит стратегические ориентиры внешней политики Индии, оставшиеся неизменными с момента обретения независимости в 1947 г.

С начала 1990-х гг. индусский национализм попал в фокус мирового внимания исключительно в связи с трагическими событиями, такими, например, как конфликт вокруг храма в Айодхье (1992 г.), сопровождавшийся массовым насилием над мусульманами, или другими примерами межкоммунальной вражды и нарушения в стране прав религиозных меньшинств. В связи с этим, понятие «хиндутва» приобрело в глазах мировой общественности отрицательную коннотацию и стало ассоциироваться с

экстремистской религиозной идеологией.

«НЕ РЕЛИГИЯ, А СТИЛЬ ЖИЗНИ»

Понять суть современного индусского национализма невозможно без анализа истоков этой идеологии и условий, в которых она формировалась. В политологии доминируют два основных подхода к объяснению зарождения и развития национализма в обществе. Сторонники первого считают, что национализм - это форма самосознания, формирующаяся в результате социально-экономической

модернизации и гомогенизации общества после стирания сословных границ при переходе от традиционного общества к индустриальному (*Karl Deutsch**)³.

Приверженцы второго подхода полагают, что национализм - враждебная реакция на политические, экономические или культурные притеснения извне (*Ernest Gellner***)⁴. Индийский исследователь Партха Чаттерджи адаптировал теоретические выкладки западных ученых относительно феномена национализма под реалии развивающихся стран, переживших колонизацию и деколонизацию, и, в частности, под реалии Индии⁵.

* Карл Вольфганг Дойтч (1912-1992) - социолог, политолог чешского происхождения, внес весомый вклад в изучение проблем войны и мира, национализма. В своих социологических исследованиях широко применял методы количественного анализа и моделирования.

** Эрнест Андре Геллнер (1925-1995) - английский философ и социальный антрополог, разработал собственную теорию национализма.

По его мнению, отправной точкой в формировании националистического движения явилось переосмысление зарождающейся интеллигенцией культурного и исторического наследия своей страны с целью доказать цивилизационное превосходство Индии над западными метрополиями и обосновать право говорить с ними на равных⁶.

В XIX в. лучшие умы Индии, многие из которых получили западное образование, стали пристально изучать тексты упанишад - древнеиндийских трактатов религиозно-философского характера и индуистских религиозных эпосов. Интерес к индийской истории был вызван желанием ответить на вопрос, в чем кроются глубинные причины отставания Индии от Запада. Одним из первых интеллектуалов, кто перевел изучение истории в политическую плоскость, стал бенгальский писатель Банкимчандра Чаттопадхья (1838-1894)⁷. Проанализировав причины, которые предопределили покорение Индии, он пришел к выводу о том, что отставание от Запада обусловлено особенностями культуры Индии, не подразумевающими стремления к свободе и препятствующими экономической и социальной модернизацией⁸.

Основу идеологии политического индуистского национализма составила хиндутва - термин, введенный в оборот одним из главных идеологов индуистского национализма Винаяком Саваркар (1883-1966). Хиндутва, пишет Саваркар в своей книге «Суть хиндутвы», вышедшей в 1928 г.⁹, дословно означает «индусскость», или принадлежность к территории, именуемой «Хиндустан» (название применимо как для обозначения современной Индии, так и для географического пространства от современного Афганистана до Индийского океана).

Прибегая к весьма сомнительной аргументации и апеллируя к полуисторическим-полумифическим фактам, Саваркар утверждает, что на прост-

ранстве от Гималаев до Индийского океана сформировалась индусская нация (*Hindu Rashtra*). Однако слово «Hindu» в этом контексте трактуется им намного шире, чем принадлежность к индуизму. Принадлежность к индусской нации определяется, во-первых, территориальным фактором: индус - тот, кто проживает на территории Индии, во-вторых, по крови, т.е. индус - тот, кто на протяжении многих поколений связан с индийской землей и людьми, проживающими на ней, и, в-третьих, культурным фактором: индус - тот, кто почитает священные тексты Вед, Бхагаватиты и Рамаяны, и тот, чья жизнь определяется традициями Индии¹⁰. Таким образом, хиндутва трактуется Саваркар (как следование индусскому образу жизни).

Показательно, что сам Саваркар был атеистом, и разработанная им концепция делает акцент на том, что основа национализма в Индии - сформировавшееся в ходе исторического развития национальное самосознание индусов, а не их общие религиозные убеждения. Дословный перевод термина *Hindu nationalism* на русский язык как «индусский национализм» может ввести в заблуждение, поскольку определение «индусский» в русском языке воспринимается в качестве религиозной принадлежности. Тем не менее, для Саваркара индуизм был лишь частью культуры, и к «индусской нации» он относил, кроме самих индусов, джайнистов, сикхов и буддистов - всех, кто считает Индию «своей родиной, и чьи святыни находятся на территории Индии»¹¹.

Учение о хиндутве нашло отклик в сердцах участников антиколониального движения в Британской Индии, особенно среди его наиболее радикальных представителей. В 1925 г. была создана неправительственная организация *Раитрия сваямсевак сангх* (РСС), целью которой была провозглашена защита индусской идентичности - хиндутвы. РСС не разделяла взглядов лидеров освободитель-

ного движения на будущее устройство независимой Индии. Ее представители полагали, что Индия должна стать государством индусской нации (*Hindu Rashtra*), и выступали против союза с мусульманами, считая их не меньшим злом, чем колонизаторов, с точки зрения угрозы, которую они представляют индусской идентичности¹².

Кстати, общественная деятельность нынешнего премьер-министра Моди началась именно с участия в ячейке РСС в Гуджарате. Проявив себя незаурядным организатором и идейным борцом за ценности хиндутвы, в 1980-х гг. он по рекомендации РСС поступил в гуджаратское отделение БДП - политическое крыло РСС, где и началось его восхождение вверх по индийской политической лестнице. При этом после перехода на должность премьер-министра Нарендра Моди продолжал поддерживать связи с РСС.

Идеи хиндутвы, в отличие от учения Ганди и Неру, стоявших во главе Индийского национального конгресса (ИНК), долгое время находились вне политической борьбы, т.к. сначала созданию политической партии националистов препятствовала колониальная администрация, а затем конституционные основы независимой Индии, базировавшиеся на принципе секуляризма. Таким образом, до 1951 г., когда появилась партия Джан сангх (Народный союз), предшественница находящейся ныне у власти БДП, в Индии не было официально зарегистрированной партии, руководство которой использовало бы принципы хиндутвы при разработке своей программной платформы, в т.ч. по внешнеполитическим вопросам. Хиндутва сформировалась, скорее, как этико-философское течение, определявшее образ жизни и поведение индийца, готового приносить пользу стране и обществу, она фокусируется, преимущественно, на внутриполитических вопросах. Нарендра Моди во время общения с журналис-

тами заявил, что «хиндутва - это не религия, а стиль жизни».

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГЛАЗАМИ НАЦИОНАЛИСТОВ

В трудах ранних идеологов хиндутвы - Саваркара и Голвалкара¹³ - основное внимание уделяется историческим и культурным вопросам развития индийского общества. Однако рассуждений Саваркара об истории индийской цивилизации вполне достаточно, чтобы сделать общие выводы относительно представлений индусских националистов о том, какой должна быть внешняя политика Индии. Идеологи хиндутвы сходятся во мнении с европейскими реалистами, что человеческая природа несовершенна, и войны в будущем неизбежны. Правда, если западноевропейские философы, такие как Томас Гоббс и Джон Локк, пришли к этому пониманию через рациональное осмысление истории человечества, то на представления индусских националистов, скорее всего, оказало влияние религиозное мировоззрение. Например, Саваркар в своих трудах неоднократно ссылается на «Рамаяну» как на исторический источник, говоря, что описанное в ней подтверждает тот факт, что индусская нация существует со времен правления Рамы, от Гималаев до Индийского океана она была единой, и люди жили в мире и гармонии, пока иноземцы не принесли в Индостан чужеродную культуру, разрушившую царство справедливости¹⁴.

Саваркар признает, что военное отставание Индии от иноземных захватчиков, привело к подчинению индусов сначала мусульманским завоевателям, а потом и европейским. Однако, как он пишет, причина военных поражений индусов заключается не в том, что они физически слабее захватчиков, а в том, что индусы потеряли «боевой дух». Именно в нем Саваркар видит источник силы нации, что определяет и ее положение на международной арене. Основополож-

ники хиндутвы призывали культивировать в индусах «боевой дух», признавая при этом, что милитаризация общества необходима не для ведения агрессивных войн, а для того, чтобы в любой момент быть готовым дать отпор захватчикам, посягающим на государство индусов.

В этом состояло одно из наиболее существенных идеологических расхождений между националистами и гандистами. Саравкар и Голвалкар видели в учении Ганди о «ненасилии» национальную угрозу, считая, что своей философией Индийский национальный конгресс (ИНК) разрушает последние остатки «боевого духа», доставшегося индусам от их воинственных предков времен Рамы. Голвалкар, например, так комментировал идею о ненасилии: «В последние десятилетия в нашей стране стало принято пренебрежительно относиться к силе как к чему-то постыдному и предосудительному. Мы начали приравнивать силу к насилию и гордиться собственной слабостью»¹⁵.

По мнению идеологов хиндутвы, еще один важный фактор, помимо «боевого духа», определяющий мощь государства на международной арене, - национальное единство. Только индусы, по мнению Саваркара, достаточно мотивированы, чтобы защищать Индию. Мусульманское население в случае агрессии будет в меньшей степени заинтересовано в том, чтобы отстаивать интересы Индии, поскольку их святыни расположены за пределами Индостана и индийская земля не является для них священной.

Это предубеждение лежит в основе сложных взаимоотношений между индусскими националистами и мусульманами. Мнение националистов относительно того, что индийские мусульмане не способны оказать сопротивление внешнему агрессору, особенно усугубилось после обретения независимости, когда в условиях постоянной военной конфронтации с Пакистаном мусульманское населе-

ние Индии стало восприниматься индусскими националистами в качестве потенциальных предателей и «пятой колонны», сочувствующей Исламабаду.

Чтобы ответить на вопрос, какое влияние способен оказать индусский национализм на внешнеполитическую повестку дня Дели, рассмотрим наиболее существенные отклонения БДП от традиционного внешнеполитического курса по сравнению с политикой, проводимой ИНК, фундаментальные основы которой практически не менялись с 1947 г.

ОТ ЗАВЕТОВ НЕРУ - К НОВОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Первый период правления БДП (1998-2002) интересен тем, что портфель министра иностранных дел впервые достался националисту Джасванту Сингху. Правление кабинета Атала Бихари Ваджапаи запомнится проведением ядерных испытаний в 1998 г. и последовавшим за этим военным противостоянием с Пакистаном в 2001-2002 гг., грозившим поставить регион на грань ядерной войны. Однако, в целом, о существенной смене курса при Ваджапаи говорить не приходится, т.к. даже его политика в отношении ядерного разоружения являлась логичным продолжением линии ИНК на непризнание «ядерного апартеида»¹⁶.

Более интересным, с точки зрения пересмотра внешнеполитических ориентиров Дели, представляется курс, проводимый правительством Нарендры Модди. К основным целям его внешней политики можно отнести содействие экономическому развитию Индии и привлечение иностранных инвестиций в индийскую экономику¹⁷, укрепление влияния в соседних государствах, сдерживание возрастающей мощи Китая и снятие напряженности в отношениях с Пакистаном - вопрос, который по объективным причинам не может не быть на повестке дня любого индийского правительства.

По прошествии всего двух лет с момента прихода в 2014 г. Моди на пост премьер-министра можно констатировать, что он, в отличие от Ваджпайи, куда менее склонен следовать в фарватере внешней политики, проложенном основателями независимой Индии. Нарендра Моди, по сравнению со своими предшественниками на посту индийского премьер-министра, неохотно повторяет главную мантру индийской внешней политики о равноудаленности Индии от мировых центров силы, которая позволила в свое время Неру стать одним из главных идейных вдохновителей Движения неприсоединения.

Индия не перестала в одночасье следовать неруанскому принципу неприсоединения с приходом к власти Моди. Но вопросы к индийской «равноудаленности» возникали еще при Индире Ганди, в 1971 г. фактически скрепившей Индию с СССР союзным договором. Моди стал первым, кто нарушил сложившуюся традицию заверять мировую общественность в верности Дели принципам неприсоединения.

Участие в движении неприсоединения заложило прочный фундамент сотрудничества Индии с развивающимися странами, благодаря чему с 1990-х гг. вектор внешней политики Дели сместился в сторону сотрудничества со странами Южной, Юго-Восточной Азии и Африки. Индия также стала уделять значительное внимание не только диалогу с соседями по Южно-Азиатскому региону, но и участию в таких региональных форумах, как БИМСТЕК (Инициатива технического и экономического сотрудничества стран Бенгальского залива), ИБСА (Индия, Бразилия, Южная Африка) и БРИКС. Во внешнеполитическом фокусе Дели продолжали преобладать развивающиеся страны, часто относимые к т.н. «глобальному Югу». Верная политическому наследию Неру, Индия продолжала дистанцироваться от развитых стран и после завершения

холодной войны, боясь подвергнуть сомнению независимость своего внешнеполитического курса.

Моди же нарушил эту традицию, продемонстрировав тягу к сближению с США, Японией, Австралией и странами Европейского Союза. Увеличение значимости ведущих мировых держав во внешнеполитической повестке Индии продиктовано тем, что именно в них индийский премьер-министр видит источник инвестиций, которые помогут ускорить рост индийской экономики.

КОНЕЦ «ЭПОХИ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ»?

С точки зрения пересмотра Дели политики неприсоединения, особенно интересно проследить развитие отношений между Индией и Японией. Абэ, как и Моди, причисляют к националистам: он также пришел со своей программой экономических реформ, призванной оживить японскую экономику, и один из его внешнеполитических приоритетов - сдерживание растущего влияния Китая. Неудивительно, что столь схожие политические позиции лидеров позволили сблизить обе страны не только на почве инвестиционного сотрудничества.

В 2015 г. Индия пригласила ВМС Японии к участию в совместных индийско-американских военно-морских учениях в Бенгальском заливе. Интерес к участию в учениях выразила и Австралия¹⁸. Это означает, что у Индии есть шанс реабилитировать свернутый в 2008 г. четырехсторонний диалог по безопасности, который был неформальной площадкой для консультаций по безопасности между США, Японией, Австралией и Индией и сопровождался совместными военно-морскими учениями. Такой формат военно-стратегического сотрудничества рассматривается аналитиками в качестве инструмента сдерживания потенциальной военной угрозы со стороны Китая. Безусловно, представить

участие Индии в подобном формате диалога в эпоху «неприсоединения» было бы невозможно.

Еще одной особенностью, которая отличает внешнюю политику индусских националистов от политики, проводимой ИНК, стала смена официальной риторики в отношении Китая. В целом, Моди удалось продолжить политику своих предшественников в отношении Китая - сохранять непреклонную позицию в отношении территориальных споров и развивать двусторонние экономические отношения так, как будто этих споров не существует. Однако теперь Моди не ограничивает себя в заявлениях об «экспансионистских» устремлениях Китая, которые угрожают всей Азии. Причем, эти заявления адресованы не только правому индийскому электорату, но и зарубежной общественности. Свои опасения в отношении планов Пекина Моди открыто высказывал в ходе переговоров с Синдзо Абэ и Бараком Обамой¹⁹.

Если позиция националистов по вопросам двусторонних отношений с Китаем изменилась не столь заметно, то их политика, направленная на сдерживание влияния Китая в сопредельных с Индией государствах, стала куда более решительной. Речь идет о соседних странах Южной и Юго-Восточной Азии.

О том, какие приоритеты стоят перед внешней политикой Моди, можно судить по его зарубежным визитам. Первым государством, которое посетил индийский премьер-министр после своего избрания в 2014 г., стало небольшое королевство Бутан. Затем Моди совершил визит в Непал, где принял участие в саммите Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), подчеркнув тем самым, что, несмотря на сближение с заокеанскими великими державами, Южная Азия остается в фокусе внешней политики Дели. Визиты Моди на Шри-Ланку, Сейшельские острова и Маврикий, которые состоялись в 2015 г., также сви-

детельствуют о том, какую важную роль для Индии играют вопросы безопасности в Индийском океане²⁰.

Бангладеш, обязанная своей независимостью Индии, в последнее десятилетие, стала вторым государством в Южной Азии по объему получаемой помощи от Китая, заняв важное место в китайской доктрине «Морского шелкового пути»²¹. Моди удалось добиться от индийского парламента ратификации Соглашения с Бангладеш 1974 г. о делимитации границы²², предусматривавшего обмен 160 анклавов, и договориться о разграничении в территориальных водах Бенгальского залива в соответствии с нормами международного морского права. Разрешение территориальных споров с соседним государством создаст новую платформу для построения двусторонних отношений и даст Дакке меньше поводов искать поддержки Китая. Нельзя недооценивать и тот факт, что в Южной Азии был создан прецедент мирного решения пограничных споров, который в будущем, возможно, окажется весьма полезным, с точки зрения разрешения территориальных споров между Индией и Китаем²³.

Еще одним успехом внешней политики Моди в Южной Азии стало возвращение Шри-Ланки в орбиту индийского влияния. В 2009 г. правительство островного государства во главе с президентом Раджапаксой сумело выйти победителем из многолетней кровопролитной гражданской войны. Война испортила отношения между Индией и Шри-Ланкой, т.к. ланкийское правительство видело в северном соседе источник поддержки тамильских сепаратистов. На завершающем этапе войны Раджапакса оказалась практически в полной международной изоляции из-за ожесточенных действий правительственных войск против мирного населения.

Индия после провала своих миротворческих усилий на Шри-Ланке в конце 1980-х гг. пыталась дистанцироваться от

обеих противоборствующих сторон. Единственным государством, оказывавшим поддержку ланкийскому режиму, в т.ч. и военную, оставался Китай. В результате Пекин получил в лице Шри-Ланки торговый и военноморской форпост в Индийском океане, потенциально угрожающий безопасности индийским морским путям.

Китай завершил строительство на Шри-Ланке порта Хамбантота и приступил к строительству нового порта около Коломбо практически на полуколониальных условиях, предусматривающих юрисдикцию Пекина на этой территории на протяжении следующих 99 лет и привилегированное право на базирование китайских военных субмарин в глубоководном порту.

В 2015 г. на президентских выборах на Шри-Ланке одержал победу оппозиционный кандидат Майтхрипала Сирисены, построивший свою избирательную кампанию на обвинениях Раджапаксы в коррупции, nepотизме и злоупотреблении президентскими полномочиями. Моди, воспользовавшись благоприятной ситуацией, совершил первый за 28 лет визит индийского премьер-министра на Шри-Ланку, в ходе которого стороны заключили ряд соглашений о стратегическом, экономическом и военном сотрудничестве. Так, Дели выделит около \$318 млн на модернизацию транспортного и топливно-энергетического сектора острова. Было достигнуто и соглашение о сотрудничестве в сфере мирного атома²⁴. Договоренности между Дели и новой ланкийской администрацией ознаменовали восстановление утраченных Индией позиций на острове.

С 2000-х гг. соперничество за влияние между Пекином и Дели вышло за границы Южной Азии, что заставило всерьез говорить о начале новой «Большой игры» в Центральной Азии и борьбе за влияние между двумя странами в других азиатских регионах²⁵. Показательно, что, в

отличие от своих предшественников, Моди озабочен не только тем, как оградить сферу «естественных интересов» Индии в Южной Азии от китайского проникновения, но и стремлением отодвинуть борьбу за влияние к границам Поднебесной.

Примером тому может служить Мьянма, ситуация в которой в какой-то степени была схожа с ланкийской. Военный режим Тан Шве, оказавшись в международной изоляции, получил помощь Китая. Однако после начала политических и экономических реформ в Мьянме Индия смогла укрепить здесь свои позиции. В 2014 г. Дели подписал соглашение с Мьянмой о совместной охране границы, а уже в июне 2015 г. индийские пограничники с ведома бирманских властей проводили военные рейды в приграничных джунглях против сепаратистов. Также Индия планирует профинансировать сооружение транспортного коридора, который свяжет морем Калькутту с бирманским портом Шитве и затем бирманский порт - с индийским восточным штатом Мизорам²⁶.

Еще одним граничащим с Китаем государством, где Моди удалось закрепить успехи индийской внешней политики по «окружению» Китая, стала Монголия. В декабре 2014 г. между Индией и Монголией был подписан ряд двусторонних соглашений, в т.ч. об охране границы для противодействия терроризму и кросс-границной преступности²⁷. Этот шаг был расценен экспертами в качестве попытки Дели оказать содействие Улан-Батору в противодействии усиливающемуся влиянию Пекина²⁸.

Что касается Пакистана, то националисты, несмотря на свой прагматичный подход к отношениям с Исламабадом, не смогли перезапустить диалог по мирному урегулированию. Моди с первых же дней пребывания у власти сделал жест доброй воли в отношении Исламабада, пригласив Наваза Шарифа на свою инаугурацию. Однако уже

в августе 2014 г. Индия объявила о свертывании диалога по Кашмиру, крайне жестко отреагировав на встречу пакистанского посла в Индии с одним из лидеров кашмирских сепаратистов.

Знаковым можно считать неожиданный визит Моди в Лахор на обратном пути из Афганистана, состоявшийся 25 декабря 2015 г. (первое более чем за 10 лет посещение Пакистана индийским премьером) с целью, как выразился сам Моди в своем Твиттере, «поговорить и поздравить [Наваза Шарифа] с днем рождения»²⁹.

Результатом «поздравления» стало решение о возобновлении комплексного диалога на высоком уровне. В целом же, результаты политики в отношении Пакистана не утешительны для администрации Моди. Индия становится свидетелем формирования враждебного для себя политического союза на своей северной границе между Пакистаном и Китаем. Пакистан - крупнейший реципиент экономической помощи Китая, основной покупатель китайской военной техники и снаряжения, место базирования китайского военного флота, а также центральное звено программы «один пояс, один путь», которое призвано обеспечить Пекину выход к Индийскому океану³⁰.

СМЕНА КУРСА: ИДЕОЛОГИЯ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?

Рассмотрев шаги, предпринятые правительством националистов на международной арене, можно сделать вывод, что, несмотря на отход от принципа неприсоединения, ужесточившуюся риторику в отношении Пекина и более решительную позицию по отстаиванию интересов Индии в соседних государствах, говорить о смене внешнеполитической парадигмы Дели преждевременно.

Переосмысление политики неприсоединения началось при предыдущей администрации, возглавляемой ИНК. Что касается Китая, ни одно последую-

щее правительство Индии, вне зависимости от его идеологических предпочтений, не сможет игнорировать потенциальную угрозу со стороны Китая. Нарастающая конфронтация с Китаем будет все больше подталкивать Дели к отходу от принципов Панча Шилы*, провозглашенной Неру, и увеличит склонность Индии к использованию силы или ее демонстрации для достижения своих внешнеполитических целей в АТР и поиску военно-стратегических союзников в регионе. Таким образом, внешняя политика националистов продиктована, скорее, сложившейся международной обстановкой, а не идеологическими установками хиндутвы, воспевающей индийский «боевой дух» и военную мощь.

Кроме того, хиндутва, успешно воплощающаяся в жизнь администрацией Моди внутри Индии, вряд ли может осложнить отношения Индии с соседями. Ведь она выражается, в т.ч., в принятии спорных законов о запрете забоя коров на всей территории Индии и финансировании псевдонаучных исследований, доказывающих, что древняя индийская цивилизация подарила миру летательные аппараты тяжелее воздуха и пластическую хирургию³¹.

Исключением является лишь принципиальный для сторонников хиндутвы вопрос о статусе штата Джамму и Кашмир. Частью предвыборной программы Моди было требование об отмене ст. 370 индийской Конституции, гарантирующей автономный статус беспокойного штата. С точки зрения приверженцев хиндутвы, автономия Кашмира,

* Панча Шила (*хинди*) - пять принципов международных отношений, выдвинутых в 1954 г. Индией и Китайской Народной Республикой: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование и сотрудничество государств (*прим. авт.*).

населенного мусульманами, позволяет им сохранять обособленный анклав внутри индийского государства-цивилизации и представляет тем самым угрозу его единству. А оно, с точки зрения индусских националистов, - основной фактор, определяющий безопасное положение Индии на международной арене. Для осуществления поставленной цели БДП придется добиться поддержки не только обеих палат федерального парламента, но и квалифицированного большинства в законодательном собрании штата Джамму и Кашмир. Хотя формально внесение изменений в индийскую Конституцию - вопрос внутренней политики, с учетом того, что он касается интеграции оспариваемого Пакистаном Кашмира, этот шаг может серьезно осложнить отношения между двумя государствами.

* * *

Почему же хиндутва, столь разительно отличающаяся своими идеологическими установками от политических ценностей, проповедуемых предшествующими правительствами во главе с Индийским национальным конгрессом, оказала столь незначительное влияние на внешнюю политику Индии? Ответ кроется в особенностях индийской политической системы. Как и в других демократических государствах, в индийской политической системе слишком много ограничений, которые не позволяют правящей БДП транслировать идеологию хиндутвы на международную арену.

Во-первых, несмотря на связи Моди с РСС - организацией, стоящей на страже индусских ценностей - политической платформа БДП все-таки отличается большей умеренностью. Ведь БДП нацелена не на защиту индусского образа жизни, а на создание широкой электоральной платформы, которая позволила бы партии успешно бороться за власть на федеральных выборах. Поэтому БДП далеко не во

всех вопросах руководствуется принципами хиндутвы, хотя и активно пропагандирует их в ходе предвыборной борьбы как неотъемлемую часть своего имиджа.

Во-вторых, помимо федеральных выборов, БДП необходимо добиваться убедительных результатов на выборах в шта-

тах, многие из которых менее восприимчивы к ценностям индуизма, и в которых победа националистов без создания коалиций с региональными политическими партиями просто невозможна.

В-третьих, по принципиальным вопросам территориальных споров с Пакистаном и

Китаем изменение политического курса представляется крайне маловероятным вне зависимости от идеологической платформы правительства в Дели. Противоречия в этих конфликтах настолько глубоки, что политической воли одной партии недостаточно для их разрешения.

¹ Acharya Amitav, Buzan Barry. Non-Western International Relations Theories. Perspectives on and beyond Asia. Routledge, 2010. P. 92-116.

² My Hindutva Face Will Be an Asset in Foreign Affairs // The Indian Express. April 23, 2014 - <http://indianexpress.com/article/india/politics/my-hindutva-face-will-be-an-asset-in-foreign-affairs/>

³ Deutsch Karl Wolfgang. Nationalism and Social Communication: an Inquiry into the Foundations of Nationality. M.I.T. Press, 1966.

⁴ Gellner Ernest, John Breuilly. Nations and Nationalism. Cornell University Press. 2008.

⁵ Ganguly Samit. Hindu Nationalism and the Foreign Policy of India's Bharatiya Janata Party // Trans - http://www.transatlanticacademy.org/sites/default/files/publications/Ganguly_HinduNationalismForeignPolicy_Jun15_web.pdf

⁶ Jaffrelot Christophe. For a Theory of Nationalism. Paris: Sciences Po, 2003 - <http://www.sciencespo.fr/ceri/sites/sciencespo.fr/ceri/files/qdr10.pdf>

⁷ Ванина Е.Ю. Прошлое во имя будущего. Индийский национализм и история (середина XIX - середина XX вв.) // Национализм в мировой истории / под ред. В.А.Тишкова и В.А.Шнирельмана. М., Наука, 2007. С. 486-528. (Vanina E.U. 2007. Past in the Name of Future. Indian Nationalism and History. М.) (in Russian)

⁸ Ganguly Samit. Hindu Nationalism and the Foreign Policy of India's Bharatiya Janata Party // Transatlantic Academy - 2014-2015 Papers series, № 2. June 2015 - http://www.transatlanticacademy.org/sites/default/files/publications/Ganguly_HinduNationalismForeignPolicy_Jun15_web.pdf

⁹ Savarkar Veer. Essentials of Hindutva. Nagpur, 1928 - http://www.savarkar.org/content/pdfs/en/essentials_of_hindutva.v001.pdf

¹⁰ Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии // М., ИМЭМО РАН. 2011. С. 107-111 (Abramov D.B. 2011. Secular State and Religious Radicalism in India. М.) (in Russian)

¹¹ Savarkar Veer. Op. cit.

¹² Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М., ИВ РАН. 2010. С. 137-139 (Yurlov F.N., Yurlova E.S. 2010. The History of India. 20th Century. М.) (in Russian)

¹³ Gokwarkar Madhav Sadashiv. Bunch of Thoughts // Sahitya Sindhu Prakashana, 1966 - <http://www.golkwalkarguruji.org/shri-guruji/thoughts/bunch-of-thoughts-book>

¹⁴ Savarkar Veer. Op. cit.

¹⁵ Sagar Rahul. Jiski Lathi, Uski Bhains. The Hindu Nationalist View of International Politics //India's Grand Strategy: History, Theory, Cases. Routledge, 2014. P. 248.

¹⁶ Jaswant Singh. Against Nuclear Apartheid // Foreign Affairs, September/October 1998 Issue - <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1998-09-01/against-nuclear-apartheid>

<https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1998-09-01/against-nuclear-apartheid>

¹⁷ Володин А.Г. Кто Вы, мистер Моди? // Россия и мир. Вестник Дипломатической академии МИД России. 2014. С. 124-126. (Volodin A.G. 2014. Who Are You, Mr. Modi? М.) (in Russian)

¹⁸ Mullen Rani, Poplin Cody. The New Great Game: A Battle for Access and Influence in the Indo-Pacific // Foreign Affairs. September 29, 2015 - <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-09-29/new-great-game>

¹⁹ Ministry of External Affairs. Government of India, Joint Statement for India-Mongolia Strategic Partnership (May 17, 2015) - <http://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/25253/Joint+Statement+for+IndiaMongolia+Strategic+Partnership+May+17+2015>

²⁰ Юрлов Ф.Н. Индия. Внешняя политика правительства Н.Моди // Азия и Африка сегодня. 2015. № 11. С. 25-30. (Yurlov F.N. 2015. India. The Foreign Policy of N.Modi's Government // Asia and Africa Today. № 11) (in Russian)

²¹ Mullen Rani, Poplin Cody. Op. cit.

²² Text of Exchange of Letters on Modalities for Implementation of India-Bangladesh Land Boundary Agreement 1974 and Protocol of 2011 to the Land Boundary Agreement, June 8, 2015 - <http://hcidhaka.gov.in/pdf/PR-I.pdf>

²³ Юрлов Ф.Н. Указ. соч.

²⁴ Mullen Rani, Poplin Cody. Op. cit.

²⁵ Шикин В.В. Энергетическое измерение внешней политики Индии в Центральной Азии (2000-2014 гг.) // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2014. № 4. С. 148-159. (Shikin V.V. 2014. India's Foreign Policy Energy Agenda in the Central Asia (2000-2014). М.) (in Russian)

²⁶ Mullen Rani, Poplin Cody. Op. cit.

²⁷ Ministry of External Affairs. Government of India, Joint Statement...

²⁸ Narayani Basu. Modi in Mongolia: Cultural Crossroads in the Far East // The Diplomat. May 16, 2015 - <http://thediplomat.com/2015/05/modi-in-mongolia-cultural-crossroads-in-the-far-east/>

²⁹ Modi Narendra. Official Twitter, narendramodi. December 25, 2015 - <https://twitter.com/narendramodi/status/680297101985755136>

³⁰ Fahad Shah. A Costly Corridor: How China and Pakistan Could Remake Asia // Foreign Affairs, December 3, 2015 - <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2015-12-03/costly-corridor>

³¹ Ganguly Samit. Hindu Nationalism and the Foreign Policy of India's Bharatiya Janata Party // Transatlantic Academy - 2014-2015. Papers series, № 2, June 2015 - http://www.transatlanticacademy.org/sites/default/files/publications/Ganguly_HinduNationalismForeignPolicy_Jun15_web.pdf